

Здание выглядело так же, как и все остальные промышленные склады вокруг него. Однако внутри находился оперативный центр Кабалы. Три усиленные бронированные двери находились между внешней частью здания и бетонной лестницей, ведущей вниз, в квадратную бетонную комнату, за четвертой, еще более надежной дверью. Комната была пуста, если не считать прикрепленной к стене раскладушки и сидящего на ней вампира. Его руки были закованы в обработанные алхимическим способом наручники, в то время как ноги были закованы в аналогично обработанные кандалы.

Его одежда была окровавлена и перепачкана, хотя раны, оставившие ее в таком состоянии, уже были исцелены его вампирской регенерацией. Усилия, приложенные для этого, оставили его голодным, и только свежая кровь из источника могла утолить вампирскую жажду. Они разрешили ему питаться только живой козлятиной, которая по сравнению с человеческой кровью была все равно что пить сырую канализацию.

Дверь открылась, впуская Вермиллиона. У него был складной стул, который он развернул и поставил так, чтобы сидеть лицом к заключенному.

“Привет, Клинтон”.

“Тебе, должно быть, это нравится”, - сказал Клинтон, насмехаясь над Вермиллионом. “Видеть меня таким”.

Вермиллион вздохнул.

- Ты думаешь, что-нибудь из этого пойдет мне на пользу?

“Ты испытываешь удовлетворение, видя, как соперник повержен”.

“Соперник? - сказал Вермиллион с жалостливым видом. - Это то, что ты думаешь? Клинтон, до того, как ты совершил эту поразительную, порожденную горем катастрофу, я ни на секунду не задумывался о тебе, когда ты не стоял прямо передо мной. Так вот в чем все дело? Пытаешься доказать, что ты лучше меня?”

“Одно только мое происхождение делает меня лучше тебя”, - сказал Клинтон. - Мой дядя обратил меня, и ты знаешь, кто он такой. Мы даже не знаем, кто превратил тебя в одного из нас.”

Вермиллион покачал головой.

“Клике не важно, откуда мы пришли, Клинтон. Каждый из нас должен доказать свою состоятельность. Вчера ты дал Кабале свою оценку, и вот куда это тебя привело.”

- Мой дядя этого не потерпит.

Вермиллион покачал головой, не потрудившись ответить. Он встал, вышел из камеры и поднялся по бетонной лестнице. Еще один мужчина ждал наверху с серьезным выражением лица.

“Крейг, ” поздоровался мужчина.

“Франклин”.

“Еще раз прошу прощения за все это”.

“Это то, что есть”, - сказал Вермиллион. “Вместо того чтобы жаловаться на то, что мы не можем исправить, нам нужно продолжать исправлять то, что мы можем”.

Франклин серьезно кивнул. Он спустился по лестнице и вошел в камеру.

“Привет, Клинтон”, - сказал Франклин, занимая место, оставленное Вермиллионом. Черты лица Франклина имели смутное сходство с Клинтоном, но Клинтон выглядел человеком средних лет, в то время как Франклину на вид было самое большее не больше тридцати.

“Дядя Фрэнк, ты должен вытащить меня из этого”.

“Я пытался удержать тебя от этого”, - сказал Франклин. - Ты никогда не соответствовал требованиям, предъявляемым к клану, чтобы рассмотреть возможность сделать тебя одним из нас, но я убедил их проявить сострадание. Единственная причина, по которой они позволили мне обратиться к тебе, заключалась в том, что без этого ты бы умер.”

“Я зарекомендовал себя”.

- Да, ” сказал Франклин. “Ты, безусловно, ясно продемонстрировал свою ценность. Твои амбиции на каждом шагу превосходили твои способности. Неизменно разочаровывающие результаты выполнения каждого порученного тебе задания продемонстрировали ценность политики рекрутинга клана. Связь с Кровавыми всадниками была чуть ли не последней каплей, и мне пришлось бороться, чтобы дать тебе шанс самому навести порядок. Я предупреждал тебя, что это был твой последний шанс, и что ты сделал? Ты вызвал катастрофу.”

“Это всего лишь несколько мертвых байкеров”.

“Невинные люди мертвы, Клинтон. Сеть вышла на тропу войны. Мы сжигаем политический капитал, как щепку, чтобы это не нанесло постоянного ущерба позициям Кабалы в этом городе. Вся эта страна. Весь мир наблюдает за нами, и не только волшебный мир”.

- Это была не моя вина. Если бы люди не проявляли столько благосклонности к Вермиллиону, мне никогда бы не понадобилось предпринимать такие смелые шаги”.

“ Смелые? Это то, что ты называешь самым идиотским актом саморазрушения, который я только могу себе представить? Кто-то подбросил тебе это? Я знаю, что ты недостаточно умен, чтобы быть заговорщиком, но если кто-то использовал тебя, значит, он нашел действительно прекрасный инструмент.”

“Именно Вермиллион подтолкнул меня к этому!”

“ Вермиллион? Полагаю, я могу это понять. Он пользуется благосклонностью, потому что компетентен; осторожен и дотошен, обладает превосходным предвидением. Образец для подражания всему, чего тебе не хватает. Он может быть достаточно осторожен и терпелив, чтобы подставить тебя так, чтобы это не дошло до него, но он достаточно умен, чтобы понимать, что есть миллион невидимых способов пойти не так. Теперь он в немилости за то, что не смог остановить тебя до того, как ты устроил этот разгром.”

Клинтон усмехнулся, но тут же вздрогнул, когда Франклин сильно ударил его по лицу.

- Ты счастлив? Ты хоть представляешь, чем я ему теперь обязан? Я несу за тебя ответственность, а это значит, что вина за твои действия ложится на меня. Из-за этого я нахожусь в худшем положении, чем Вермиллион. Так что теперь я должен сделать жест, чтобы доказать свою преданность и раскаяние, как клану, так и Кабале”.

- Что за жест? - осторожно спросил Клинтон.

- Это жертва. После всех неприятностей, которые ты мне причинил, ты, наконец, продемонстрируешь хоть какую-то ценность. Как и все остальное в тебе, только твои отношения со мной придают тебе хоть какую-то ценность. Кабала и клан разрывают с тобой все связи. Тебя передают в Сеть. Мое содействие в этом - проявление преданности и раскаяния. Один из многих, которые будут продолжаться еще долго после твоей смерти.”

“Ты не можешь”.

“Это уже сделано, Клинтон. Ты бы никогда не вышел из этого с чистой смертью после убийства Джулиуса. У него был некоторый реальный потенциал, вот почему мы заставили его скакать табуном над тобой. Мы хотели, чтобы он понял, чего не следует делать, но ты слишком хорошо преподавал этот урок. Затем, в нужной форме, ты напортачил с избавлением от тела. Я имею в виду, черт возьми, парень. Если ты собираешься распиливать человека на куски, возьмите несколько пакетов для мусора, или пластиковую простыню, или что-нибудь в этом роде. Я имею в виду, наволочки? Ты даже не можешь нормально провалиться. Ты худший вампир в мире.”

“Мои действия были решительными и безжалостными”, - утверждал Клинтон. “Это то, чем

должен быть вампир”.

“Контролировать себя - вот каким должен быть вампир, Клинтон. Это никогда не был ты. Я должен был отказать своей сестре. Я приношу извинения за то, что не позволил тебе умереть смертью нормального человека. Ты бы умер тихо, и о тебе бы вспоминали с нежностью.”

“Конечно, есть что-то, что ты можешь сделать”, - взмолился Клинтон.

“Я еще долго буду расплачиваться за твои грехи, Клинтон. У меня нет ни возможности, ни желания отпустить им грехи. Еще до этого ты подстрекал ЭОА сделать шаг в сторону Вермиллиона. Это действие, прямо противоречащее интересам Кабалы, служащее твоим личным амбициям. Если бы Вермиллион не разрядил ситуацию, ты бы одним махом настроил против себя Сеть, ЭОА, наших собственных людей и потенциально ценного союзника. К счастью - и в полном соответствии с формальностью - ты потерпел неудачу. Но по какой-то необъяснимой причине это был единственный раз, когда ты не позволил ни одному удару в ответ остановить тебя и все равно сделал все возможное, чтобы разозлить их всех. Ты даже сделал все возможное, доведя их до иступления. По крайней мере, ты можешь умереть, зная, что твои действия оставили большой след”.

“Ты не можешь выдать меня”, - сердито сказал Клинтон. “Я расскажу Сети все секреты клана и Кабалы, которые я знаю!”

- Я знаю, ” печально сказал Франклин. - Как бы сильно я ни надеялся, что время превратит тебя в сталь, я с самого начала знал, что ты из чугуна. Вот почему ты никогда не был посвящен в наши великие секреты. Ты не можешь предоставить Сети информацию, которой они еще не знают, хотя я ожидаю, что они будут очень тщательно проверять”.

Франклин поднялся на ноги.

“Это наша последняя встреча, Клинтон. Все, что ты еще хочешь сказать, говори сейчас”.

“Дядя, это была не моя вина...”

“Я имел в виду что-то новое, Клинтон. Я уже много раз слышал это раньше.”

Франклин вернулся наверх, где его ждал Вермиллион.

“Это, должно быть, было нелегко”, - сказал Вермиллион.

“Это длилось долго”, - сказал Франклин. “Все наши сегодняшние проблемы могут быть возложены к ногам моего милосердия. Насколько все плохо?”

- Плохо, - сказал Вермиллион. "Магия была на волосок от того, чтобы раскрыться сегодня, и Сеть вышла на тропу войны. Большой вопросительный знак - этот человек, Асано. Я не знаю, что он будет делать после того, что случилось."

- Разве Сеть не забрала его?

"Я полагаю, что ответ на этот вопрос сложен", - сказал Вермиллион. "Не в последнюю очередь из-за вопроса о том, могут ли они задержать его или нет".

"Мне не нравится, что Себастьяна нет с нами", - сказал Люк. Он сидел на переднем пассажирском сиденье.

- Ты думаешь, кому-нибудь из нас это нравится? - спросил Пол. Он вел машину по гравийной дороге, через открытый ландшафт австралийского буша. Темное небо скрывало панораму, заставляя его вести машину осторожно.

"Вы видели, в каком состоянии был Себастьян", - сказал Пол. "Я никогда не видел никого, кто больше нуждался бы в исцелении".

"Это как раз моя проблема", - сказал Люк. "Мы все видели, что цель сделала с Себастьяном. Что, если он проснется?"

- Он не проснется, - сказал Николас с заднего сиденья. - Учитывая то, что мы в него вкачали, я поражен, что он все еще жив, независимо от того, вторая категория или нет. Когда он наконец придет в себя, я не буду шокирован, если нам понадобится залечить повреждение мозга".

Трое французов ехали по сельской гравийной дороге в сельской местности Нового Южного Уэльса, направляясь к практически заброшенной взлетно-посадочной полосе. При затянутом тучами ночном небе и отсутствии населенных пунктов по замыслу, фара их автомобиля была одиноким кораблем в черном море.

"Что я ненавижу, так это то, что нам приходится улететь обратно", - сказал Пол.

"С этим ничего не поделаешь", - сказал Николас. "Ты не можешь заставить кого-то пройти через портал, даже если он без сознания".

"А что насчет Себастьяна? - спросил Люк.

- А что с ним? - спросил Пол. "Он сказал нам идти без него".

“Я знаю, что он так сказал, но неужели мы действительно собираемся просто оставить его?” - спросил Люк.

- Ты чертовски прав, так оно и есть, - сказал Николас. “На данный момент его нужно отстранить дипломатическим путем, а не тактическим. Это не в нашей власти. Наша задача - доставить цель домой так, чтобы местные жители нас не прижали. Себастьян оставил нам свой телефон, чтобы никто из нас...”

Он многозначительно посмотрел на Люка.

“...было бы достаточно глупо пытаться установить контакт”.

“Объект собирается оставаться без сознания всю дорогу до Франции?” - спросил Пол.

“У меня есть кое-какие добавки, чтобы удержать его”, - сказал Николас. “Он не проснется в ближайшее время”.

Внезапно все трое почувствовали, как их окутала аура, исходящая из багажника машины.

- Это невозможно, ” сказал Николас. “Даже если он каким-то образом очнулся, на нем ошейник”.

“Может быть, с ошейником было что-то не так”, - сказал Люк.

- Ты думаешь, они отправили нас в такой путь, не проверив ошейник? - спросил Пол.

“Останови машину!” - приказал Николас.

Пока они спорили, они услышали, как открылась пружина багажника. Пол резко затормозил, разбрасывая гравий, и все трое выскочили из машины. Они увидели открытый багажник и огляделись в темноте.

“Я ничего не вижу”, - сказал Люк.

“Его будет нелегко выследить в таком виде”, - сказал Николас. - Пол, дай нам немного света.

Когда они вглядывались в темноту, Пол поднял руку над головой, и появилась большая пылающая сфера, парящая в воздухе и излучающая красный свет. Поразительно, но оказалось, что группа была окружена фигурами из чернильной тьмы, почти нависшими над ними.

Все они отреагировали немедленно. Люк превратил свое тело в твердый камень, в то время как

Пол вызвал огненный хлыст. Николас наколдовал штурмовую винтовку и начал бешено разбрызгивать пули вокруг них. Поскольку пули были наколдованы непосредственно в пистолет, он не был вынужден останавливаться и перезаряжать его, подпитывая его своей манной так быстро, как того требовало наколдованное оружие. Дульная вспышка вызвала ослепительный стробоскоп, когда он поводит пистолетом взад-вперед, извергая пули во все стороны. Когда Николас наконец остановился и грохот выстрелов сменился жуткой тишиной, темные фигуры исчезли, как будто их никогда и не было.

- Что это были за твари? - спросил Пол.

- Ты думаешь, я знаю? - спросил Николас.

“Я думаю, ты убил их или прогнал”, - сказал Люк. Как только он это сделал, вдалеке загорелись синие и оранжевые огни, привлечшие внимание всех троих. Сосредоточенные на расстоянии, они заметили темную фигуру, движущуюся позади них в красном свете, только когда повернулись, почувствовав, как острое лезвие скользнуло по их коже. Николас и Пол оба получили порезы на шее, но пузырчатый щит Люка на короткое время стал видимым. Он перехватил атаку еще до того, как она достигла его каменной плоти.

Свет, который отвлекал их, померк, превратившись в ничто.

- Рана небольшая, ” сказал Пол, похлопывая себя по шее. - У меня бывало и похуже.

- Держу пари, Себастьян тоже так думал, ” сказал Николас. “Этот придурок использует яд, гений”.

- Может, нам стоит начать поиски? - спросил Люк.

- Забудь об этом, - сказал Пол. “Отправляясь туда, мы знали, что у этой миссии высокая вероятность провала. Я не собираюсь драться с парнем, который сделал это с Себастьяном в темноте”.

- Согласен, ” сказал Николас. “Давай просто сядем в машину и поедем”.

Когда их короткий спор о том, что делать, подошел к концу, снова появились синие и оранжевые огоньки. Там был один огонек побольше, вокруг которого вращались четыре огонька поменьше. Два огонька поменьше отделились от остальных и полетели к ним. Они не были медленными, но и не соответствовали скорости пули или даже стрелы.

“Блокировать или уворачиваться?” - спросил Люк, в то время как двое других отползали с пути света. Два светофора образовали прямую линию для их автомобиля, слившись воедино как раз в тот момент, когда они врезались в него. В результате взрыва Пол и Николас были сбиты с ног, даже убегая, хотя они лишь упали с минимальными повреждениями.

Люк был ближе, но тоже почти не пострадал. Его пузырчатый щит поглотил достаточно энергии взрыва, которая, казалось, плохо подходила для того, чтобы пробить магический щит. Сама мощь взрыва действительно заставила его рухнуть, но то небольшое, что осталось, ударило о каменное тело Люка, оставив в нем небольшие трещины. Люк почувствовал вспышку паники, осознав, что взрыв был явно более эффективен против его каменного тела, чем магический щит, но это была потраченная впустую сила.

Автомобиль, в отличие от своих прежних пассажиров, был поврежден гораздо больше, чем поверхностно. Он был разорван, как будто кто-то с толстыми пальцами и отсутствием координации пытался разделить с кем-то бутерброд, разломив его пополам. Конечно, им больше нельзя было управлять.

Лежа в легком кустарнике на обочине дороги, куда его отбросило взрывом, Пол закричал от новой боли. Николас вскочил на ноги, когда Люк пошел проверить его, но только для того, чтобы за спиной Николаса появилась темная фигура, которая несколько раз ударила его, прежде чем исчезнуть, когда Николас повторил восклицания Пола.

- Что происходит? - в панике спросил Люк, помогая Полу подняться на ноги. - Этого не должно быть возможно! Он должен быть в ошейнике!"

"Что нам делать?" Пол окликнул Николаса, но у Николаса не было ответов. Он уставился на обломки машины в кровавом свете огненного шара, собственный свет машины погас. Единственный ответ прозвучал от голоса, такого же холодного и мрачного, как черная зимняя ночь.

"Пролей кровь за меня".

Люк обладал сильными защитными способностями, благодаря своему магическому щиту и силам земной формы. Его средства атаки были мощными, но простыми, и он обычно полагался на своих товарищей по команде, которые прижимали врага к земле, чтобы он мог прикончить его. Однако его товарищи по команде погибли вокруг него, а он даже мельком не увидел нападавшего. Был только безжалостный голос, произносящий злое заклинание, в то время как Пол и Николас дико выстреливали силы в темноту без видимого эффекта, пока не умерли.

Люк сломался, когда его товарищи прекратили кричать, оставив темные остовы почерневшей плоти в пугающей тишине смерти. На пустой дороге загорелось еще больше огней, на этот раз не синих и оранжевых, а серебристых, как булабочные уколы, звезд. Ночное небо, скрытое за темными зимними облаками, приняло форму человека. Люк вспомнил истории о звездном ангеле, которые показывали в новостях. Он знал, что для него это был не ангел милосердия.

Он не сопротивлялся, просто с вызовом наблюдал за приближающейся фигурой. Он даже больше не думал об этом как о цели. Это было больше похоже на чудовище, порожденное тьмой. Оно двигалось медленно, наконец появившись перед ним, сплошная тьма и звезды. Он переместился на тело Пола, затем на Николаса. Он протянул руку и вытащил из

непроницаемой темноты своего капюшона защитный ошейник. Затем ошейник исчез из его руки, и он обратил свое внимание на Люка.

“Ты собираешься рассказать мне то, что я хочу знать”, - раздался жесткий, безжалостный голос.

“Мне все равно, если ты наденешь на меня ошейник и будешь пытаться”, - сказал Люк. “Даже без моих способностей мое тело может вынести боль”.

“Я верю тебе”, - сказал голос, когда Люк почувствовал, как что-то давит на его ауру, как кулак на яйцо.

“Может ли твоя душа?” - спросил голос.

Джейсон обнаружил, что преимущество того, что он держит душу человека в своих руках, заключается в том, что этот человек совершенно неспособен на ложь и уклонение от ответа, которые остаются незамеченными. Ему было неприятно хладнокровно казнить этого человека после того, как он исчерпал все свои знания. Будучи честным с самим собой, он тоже чувствовал себя не так уж плохо. Способность нейтрализовать действие ошейников подавления была козырной картой в самые уязвимые моменты Джейсона, что наглядно продемонстрировали его нынешние обстоятельства. Тайна была ценнее жизни, по крайней мере, жизни человека, который его похитил.

Перед смертью этот человек сообщил Джейсону много важных подробностей, как о том, почему эти люди пришли за ним, так и о Сети. На протяжении веков Сеть представляла собой серию независимых тайных обществ, и, по-видимому, старые игры в соперничество и накопление ресурсов продолжают до настоящего времени. Это была более капризная организация, чем можно было предположить по описанию Вермиллиона, хотя Вермиллион был аутсайдером, и полной точности ожидать не приходилось.

Это не означало автоматически, что местное отделение будет союзником, а не врагом. Учитывая то, что рассказал этот человек, он надеялся, что так оно и будет. Самое важное, что он узнал от француза, заключалось в том, что филиал Сети в Лионе держал под стражей другого инопланетянина. Джейсон надеялся, что фракционного конфликта было достаточно, чтобы местная Сеть помогла ему убрать инопланетянина из лионского филиала, поскольку он знал, что пытаться сделать это в одиночку - самоубийство.

Джейсону не удалось узнать больше ничего о другом инопланетянине, поскольку француз ничего о нем не знал. Он предположил, что их лидер Себастьян мог бы это сделать, но он отправился в местное отделение Сети за исцелением. Человек, которого допрашивал Джейсон, подозревал, что местное отделение задержит Себастьяна, чтобы выжать из французов какие-то уступки, учитывая, что им вообще не полагалось находиться в стране.

Он открыл свою карту, чтобы проверить пункт назначения. Он мог бы вернуться в Сидней за пару порталных прыжков, поскольку в прошлом посещал места в пределах своей

достижимости. Он даже был в пределах досягаемости фермы своего дяди, где выросла его мать. Ему не помешало бы немного времени подумать; обдумать то, что он узнал, и взвесить свои варианты. Он велел Шейду сесть в машину и отправиться обратно в Сидней.

Его разгром банды байкеров и то, что он сделал со своими нападавшими, даже с тем, кто, скорее всего, выжил, продемонстрировали, какую угрозу он представлял для тех, кто решил его спровоцировать. Сейчас было самое время показать, что он не просто бешеный пес и с ним можно договориться. Он показал достаточно большой кнут, и пришло время для сочной морковки. Ему нужно было прощупать почву в местном филиале Сети и, если возможно, задать Себастьяну несколько острых вопросов. Пришло время для встречи с Аннабет Тилден.

Пока он сидел в задумчивости, а Шейд заботился о вождении, Гордон появился на сиденье рядом с ним. В отличие от обычных транспортных средств, Шейд смог удержать бестелесную форму Гордона, не пропуская его насквозь. Заплывшие глаза Гордона выжидающе посмотрели на Джейсона, и Джейсон кивнул, доставая свой телефон.

Джейсон стащил его с одного из тел перед тем, как приказал Колину и Гордону уничтожить их. Их тела были недостаточно магическими, чтобы раствориться в радужном дыму, но его сила спасла его от того, чтобы рыться в их карманах. Он забрал свой собственный телефон, а также их телефон и ключ от ошейника подавления, который висел у него на шее.

Он создал несколько одноразовых ключей, которые, вероятно, сработали бы, но он не был полностью уверен, что его самодельный продукт сработает. К тому же у него их было не так уж много.

После того как от тел избавились, он велел Гордону разобрать машину на куски металлолома, которые тот выбросил в кусты. Возможно, кто-то мог использовать запись GPS, чтобы отследить это место, но не осталось ничего, что могло бы вызвать у него какие-либо проблемы.

Избавление от тел заставило его мысли перенестись к собственному труп, оставшемуся в астральном пространстве. Вероятно, он действительно растворился в радужном дыму, по крайней мере частично. Он давно знал, что он больше не человек, но мысль о том, что его тело растворяется, как чудовище, заставила его по-новому взглянуть на это.

Он использовал драгоценную капельку средства для уборки «Кристалльная стирка», чтобы его телефон не улавливал трупный запах. Он загрузил фильм, который Шейд смог спроецировать на ветровое стекло.

“Это называется “Вилли Вонка и шоколадная фабрика”, - сказал Джейсон Гордону. “Это хороший фильм”.